

РАЗМЫШЛЕНИЯ

УДК 159.9

Донченко Е. А.

ПСИХОФРАКТАЛЫ. ПРОБЛЕМА СОСУЩЕСТВОВАНИЯ НАРОДОВ

На основе авторской концепции психофракталов рассмотрены особенности взаимодействий народов и наций.

Ключевые слова: соционика, психофрактал, психология отношений, межнациональные отношения.

Общество, как и человек, не может достаточно долго и бесперебойно существовать не в своем режиме. Если на него будут взвалены цели и требования, не соответствующие его глубинной реальности, полю жизненной энергии, информационно-энергетическим возможностям в целом, оно очень скоро погибнет как автономный элемент человечества, растворится в безликом массовом пространстве. Народы Земли как своеобразные гиперличности несут в себе уникальные гены специализации и предназначения. Все вместе они составляют сложную систему человечества, которая также имеет свою космическую функцию как элемент космической надсистемы. Система человечества не может выполнить свою функцию, не сохраняя задуманную Богом (Природой? Космосом? Иными цивилизациями?) целостность, состоящую из многовекторной специализации элементов.

Искомая специализация народов и обществ определяется психофракталами, а иначе — их душами. Душу имеет не только человек, но и каждый народ. Лишить его души означает оторвать его от энергетического источника существования, сделать его жизнь как бы нереальной, условной. Питание, полученное в других краях, из иных, не своих корней, не содержит необходимых для полноценной жизни архетипических витаминов, не обеспечивает развитие чувства дома, отдаляет народ от понимания своей миссии, своих задач, лишает его своего лица.

Обозначим основные положения теории психофракталов.

1) Психика каждого человека имеет два неравноценных «отдела»: а) больший — априорный, **полученный** при рождении, т. е. собственно психофрактал; б) меньший — **приобретенный** в процессе социализации и индивидуального опыта.

2) Психофрактал — это базовая отборочная и интерпретирующая структура психических данных, на основе которой выстраивается сверхсложная жизнь индивида. Это направление «пути с сердцем», на котором человек (либо другой субъект психического) способен получить все истинно лучшее для себя. Это полученная от универсальной психики *структура шансов или принцип уникального видения мира* (в отличие от общественного консенсуса по этому поводу). Можно сказать, что двойную жизнь (по правилам души и по правилам, установленным другими) человек ведет с рождения, а вот которая из них побеждает — вопрос личного успеха и счастья. Это базовое ядро психики, которое в акте объединения с конкретной телесностью приобретает определенность: индивиду достались именно те, а не другие, пространство и время астрологического рождения, та или иная информация, та или иная энергия, тот или иной генетический код и т. п. А потому индивид обречен видеть мир через призму психофрактала будто сквозь собственное, «богом и родителями данное» окошко, которое имеет определенные размеры, форму, цвет и т. п. Психофрактал выступает для человека глубинным, предсознательным, неосознаваемым или частично осознаваемым фактором его жизненного пути.

Психофрактал — это часть универсальной психики, которую человек *получает* при рождении, это определенная базовая метапрограмма или назначение человека, праструктура элементов психики, искомая специализированная структура-форма, «попасть» в которую может только определенная информация и с определенными психоэнергетическими характеристиками — такими, которые способен воспринять и обработать данный субъект.

3) Несмотря на сверхдинамическую и сложную ткань универсальной психики, из которой рождается ПФ человека, он имеет психологические и информационно-энергетические границы. Граница служит разделению психоформ, благодаря чему появляется возможность их взаимодействия, взаимовлияния, построения отношений. Существование любых структур возможно только до тех пор, пока существуют их границы. Смерть — это рассеяние границ, это растворение в ином, это поглощенность вечностью. *Психофрактал — это архетип самоорганизации всех элементов психического, предполагающий уникальную форму и содержание.* В этом смысле смерть подкрадывается к человеку уже тогда, когда он живет и думает «как все», не ощущая собственных границ, а смерть социума начинается в момент превышения массы чужого психофрактала (чужих идеалов, верований, взглядов, стереотипов, паттернов поведения, культурных и идеологических акцентуаций и т. п.) в собственном пространстве

4) Психофрактал имеет два режима работы: а) режим «Я» или *инстинктивной самосогласованности*: адаптивно-нелинейный, гибкий, личностно-эгоцентрический, очень энергетизированный и эффективный в ситуациях, связанных с самовывживанием субъекта; этот режим у человека во многом общий с животными: можно сказать, что все люди с обратной стороны — «волки» или «ягнята», «лебеди» или «кукушки», «львы» или «лисицы»... *Это сильный режим или «цупальца» человека, аппарат для дифференцирования опасных раздражителей, действующий по известному психобиологическому принципу экономии раздражений, спасающей живую ткань от гибели;* б) режим «МЫ» или *психозкологической согласованности* с земной природой, космосом, другими существами, людьми или государствами; *это высший режим*, но реально более слабый, чем первый. Более слабый не только потому, что требует серьезной умственно-рефлексирующей работы по отысканию субъектом своего «вида». Более слабый еще и потому, что связан со сложной проблемой установления компромиссных, толерантных *отношений* между разными психофрактальными «языками», ментальностями, ценностями и т. п.. Последнее требует достаточно высокой психологической культуры общества и человека. Возможность установления «рабочих» отношений (особенно между объективно конфликтными психофракталами) предполагает обоюдный высокий уровень этой культуры и обоюдного желания найти общий язык. Именно эта проблема наиболее актуальна в современном мире: «волки» не могут найти общий язык с «ягнятами», а «лебеди» — с «кукушками»...

5) Характер, направленность, все формы поведения человека, его телесность (как инструмент для отработки метапрограммы), а также социальные, политические, экономические и культурные отношения рассматриваются как производные от психофракталов, *т. е. от психической природы*, с помощью которой субъекты встраиваются в мир. Не всегда они являются осознаваемыми, а разнообразие форм и проявлений несознательного бесконечно. Не всегда человек дает себе отчет в своей зависимости от собственных априорных структур. Чаще он убежден, что сам сформировал в себе определенные взгляды на жизнь. А между тем, и в структуре психики человека, и в обществе натуралистический момент «момента сборки» предваряет и во многом обуславливает культурно-исторические процессы, определенным образом регулируя социальные изменения. Этим «натуральным» структурам индивидуальной и социетальной психики присуще большее психосоциальное постоянство, чем другим. Эти глубинные ступени жизнеспособности определяют границы опыта индивидов и социальных групп, рефлексивные акты и социальное поведение. Именно они устанавливают *определенное* разнообразие культур, идеологий, ценностей и коллективных представлений.

6) Развитие индивида с точки зрения психофрактального подхода — это процесс «отработки» заданной при рождении пра-структуры движения, а *психологическая зрелость* индивида определяется его *готовностью* к гибкому переключению из режима «Я» на режим «МЫ», сформированностью отношения к пути другого как к определенной сакральности и неприкосновенности.

7) Главным законом ПФ-теории есть закон отношений: определенный тип эндоотношений между элементами ПФ, а также между ПФ и разными психологическими инстанция-

ми индивида формирует соответствующую форму его поведения, которая и транслируется в окружающую среду. Иначе: парциальные отношения формируют интегральный паттерн поведения субъекта. Интегрирующая характеристика, которая возникает вследствие определенных взаимоотношений разных психологических инстанций в индивиде, транслируется в мир. Нелюбовь к себе глубинно трансформируется в нелюбовь к ближним. И наоборот.

Сущность всех этих положений касается не только психофрактала индивида, но и психофрактала общества..

Социетальный психофрактал — это потенциальная сила сообщества, которая имплицитно включает в себя **фундаментальные направления самоорганизации**, требования функциональной благоустроенности. Это объективная, образованная природой и «встроенными» в нее людьми структура шансов сообщества, которые оно использует либо не использует.. Именно от того, насколько используются эти шансы, зависит психическое здоровье народа и его социальная успешность. Шансы в психофрактале измеряются уровнем осознания, актуализации тем или иным сообществом своего психофрактального профиля и производства ценностей, соответствующих этому профилю, т. е. по сути, — своего «лица». Психосоциальными элементами, которые в уникальной форме представляют целостный СПФ, являются *структуры* любого типа — легитимные и нелегитимные, неслучайные или случайные, продолжительные или ситуативные, реальные или виртуальные и т. п. Здесь и властные организации, и профессиональные социальные учреждения, и культурные группы, и научные школы разного направления, и пассажиры в городском транспорте, и просто атмосфера социума. В них, как во фрагментах целостной картины, узнается ее общая идея, системная специализация со скрытыми в ней психосоциальными ценностями. Несмотря на то, что разные социальные институты — культуры, экономики, политики, образования, воспитания и др. — имеют свою психосоциальную специфику, в целом в них отражается лицо общества. В том случае, если это современное лицо совпадает с природным, божественным лицом народа, можно говорить о состоявшейся психологической, культурной и политической идентичности народа. И речь здесь не идет о «музейном варианте» чистых и аутентичных минувших традиций и не о том, что этому не должны мешать силы темпорального влияния «теперь» (интернет, компьютер либо неисчислимы «меланж-эффекты» разнородного в современной культуре). Речь идет о рационально-чувственном поиске и принятии народом своих корней как о главном смысле и главном энергетическом источнике общественной жизни.

Популярный писатель нашего времени П. Коэльо в своем «Алхимике» пишет: «Добиться воплощения своей судьбы — это единственная подлинная обязанность человека... Все люди, пока они еще молоды, знают свою судьбу... Но с течением времени таинственная сила принимается их убеждать в том, что добиться воплощения их судьбы невозможно. Сила эта кажется недоброжелательной, но в действительности она указывает человеку на то, как воплотить свою судьбу. Она готовит к этому его дух и его волю...».

Добавим к этому неопровержимому: добиться воплощения своей судьбы — это святая обязанность любого народа на Земле!

Сегодня американизм создал и успешно распространяет миф о том, что якобы волк и ягненок могут подружиться, если волку дать почитать демократическую конституцию. Вестернизация как мировоззрение базируется на представлениях о том, что в мире почти не осталось частичности или специфичности, что в мире идет не только выравнивание обычаев, ценностей и социальных структур, но и ментальностей, национальных характеров, судеб. Американизм, например, абсолютизирует и распространяет как единственный путь прогресса собственную картину мира. Но 11 сентября 2001 года американизм как современная модель общечеловеческих ценностей потерпел крах. Продолжением этого явились драматические события в Ираке... И человечество увидело реакцию на этот миф людей, которые думают и ощущают иначе...

Проблемой современности стало мирное сосуществование народов и народностей в рамках отдельно взятой страны. Наличие в определенной стране критической массы имми-

грантов с *иными* психофрактальными ценностями может привести к реальной угрозе исчезновения одного из элементов системы человечества, что изменит его целостный, задуманный Богом, образ. И дело не только в том, что волк и ягненок требуют абсолютно разного питания. Дело в объективных отношениях, которые существуют между двумя разными по своему психофракталу сообществами. Эти отношения могут быть близкими и способствующими сохранению семьи с ее родословным предназначением. Но если это асимметричные, конфликтные отношения, волки в стране ягнят даже бессознательно, только в силу иного природного свойства, развертывают деятельность, несовместимую с жизнью ягнят: расширяют костяк нравов, обычаев, законов, редуцируют атмосферу в сообществе, замедляют естественные защитные самоорганизационные процессы и т. п. И, как следствие, ягням нужно искать другой дом. А это, согласитесь, непросто. А как показывает история (евреев, например), и вовсе невозможно. Ягнята в любом другом месте Земли уже перестают быть ягнятами, а пытаются стать волками, чтобы отомстить за очень-очень давнюю обиду. Найти новый дом непросто, так как психофрактал сообщества и его географический, физический дом — это единая система, гештальт, разрушение которого навсегда фрустрирует обиженное сообщество, делает его невротическим, агрессивным, вынужденным вечно приспосабливаться к несвоим условиям жизни.

Но это положение не означает, что так же непросто найти свой новый дом отдельному индивиду, *в силу психосоциальных причин* покинувшему Родину. Ведь божественная специализация сообществ создается как *что-то*, а не как *кто-то*. Но не кто угодно может вписаться в это *что-то*, а лишь тот, кто *тем же* и является. Например, если структура психофрактала коренной общности представляет собой специфическое сочетание интроверсии, эмоциональности, рациональности и интуиции с доминированием в обществе соответствующих ценностей, к этому обществу потянутся люди, которые разделяют именно эту, а не иную, систему ценностей, и им там будет хорошо. Любое общество (в случае состоявшейся психофрактальной идентичности) представляет собой своеобразный аттрактор, притягивающий себе подобное и отталкивающий чужеродное. Таким образом сохраняется его способность «нести свой крест», выполнять свое высшее предназначение. В этом смысле железный занавес между народами — это преступление перед Богом.

Но существует и иной вариант — иммиграция по экономическим мотивам. В этом случае *критическая масса* людей с *иными* психофрактальными ценностями *начинает* на чужой земле строить свой ценностный дом: *расширять костяк нравов, обычаев и законов страны, которая их приняла, редуцировать атмосферу в обществе, искривлять и замедлять естественные самоорганизационные процессы* и пр. *А поскольку* такие люди *иммигрируют, как правило, из менее развитых и более бедных стран, «коррекция», вносимая ими в образ жизни более цивилизованного, а значит, более толерантного сообщества, будет отличаться социально редуцированными формами.* В Англии на лондонской площади слуги Аллаха *выкрикивают: «Британия станет мусульманской, Коран победит во всем мире, смерть неверным!»* *Немецкие журналисты с ужасом констатируют, что даже третье поколение турок не интегрируется в немецкую культуру... Иммигранты из Магриба не только не интегрируются в уклад и культуру Европы, но ей себя противопоставляют... В Зимбабве черные расисты отнимают у белых фермеров их фермы... и т. д.*

Чрезмерная политическая «корректность» по отношению к «гостям» часто является психологическим насилием по отношению к своим, которое отнимает право жить с теми, с кем они привыкли и желают жить, право психологической защищенности. Последняя же означает ни что другое, как разделяемость большинством граждан главных, основополагающих, психофрактальных ценностей. И если бы люди Земли расселялись по критерию близости вечных и управленческих ценностей и отношений, чувство дома и вместе с тем интернационализма нарастало бы. Между тем пока что люди бегут от бедности, политических репрессий и войн в более мирные, гостеприимные и богатые уголки Земли со *своими, иными* глубинными духовными ценностями и установками. И, наверное, нельзя называть миллионы

людей, протестующих против этого, ксенофобами или расистами. Есть простая и проверенная жизнью поговорка: «Пожалей лису, голубка, но при этом хвостик спрячь».

И в этом случае железный занавес должен открываться только на время, в качестве временной гуманитарной помощи. Сегодня мы являемся свидетелями страшной по своим последствиям для человека мести Земли (или Космоса?). Цунами, землетрясения, наводнения участились, и сильные, конечно же, обязаны помогать слабым и обездоленным. Люди могут оказаться в условиях, абсолютно чуждых их духу и душе. Поэтому учет психофрактального фактора в социальной политике необходим, как необходимо дальнейшее изучение глубинных психофрактальных ценностей существующих обществ. Человечество тем и отличается от остального мира живой природы, что именно культура, в частности, психологическая культура, а не зубы или когти, выступает главным фактором установления тех или иных отношений между народами.

Можно ли сегодня бесконтрольно и механически смешивать огромные массы разных людей и народов? Наверное, пока не возникла новая общечеловеческая религия и психокультура, люди к этому не готовы. Наш век будет веком пересмотра основных парадигм общего существования людей на Земле, веком научного и осмысленного объединения людей. Но каждый народ должен самостоятельно подниматься к своим собственным вершинам. Разные Боги — это разные культуры, это взаимоисключающие принципы отношений к жизни и смерти, к успеху и счастью, к деньгам и другим людям. И только в результате серьезного психологического и политического самосовершенствования разные народы смогут выйти на цивилизованные переговоры. Глобализационные процессы имеют сегодня лишь познавательный-сравнительный смысл, благодаря которому отдельные социумы быстрее смогут достичь самопринятия и самосогласованности. Все иные глобализационные экспансии не только преждевременны, но и опасны. В конце 40-х годов минувшего века, когда мировое сообщество было на грани принятия Всеобщей декларации прав человека (подготовленной Организацией Объединенных Наций), группа ученых Американской антропологической ассоциации под руководством М. Герсковица выступила с критическим меморандумом. В последнем утверждалось, что стандарты и ценности имеют особый характер в разных культурах, а потому любая попытка сформулировать постулаты прав человека, имеющие источником представления и моральные кодексы только одной культуры, будет противостоять распространению такой «морали» на человечество в целом. Был предложен такой принцип: *человек свободен только в том случае, когда он может жить соответственно тем представлениям о свободе, которые приняты в его сообществе*. Леви-Стросс в 1978 г. писал, что мировая цивилизация не может быть ничем иным, как коалицией культур, любая из которых сохраняет собственную самобытность.

Глобализационные процессы опасны и на уровне индивидуальности. «Невроз бездомности» подкрадывается сегодня к миллионам людей, стремящихся жить «правильной», «успешной», «крутой», но не своей жизнью. «Человек мира», «лицо мира» — эти понятия привлекают сегодня молодежь, которая даже не догадывается, что настоящими «людьми мира» становились совсем не те, кто имел возможность завтракать в Лос-Анжелесе, обедать на Канарах, а ужинать на южном побережье Франции. Ими становились фанаты собственного пути, фанаты собственного назначения. Поддержка информационного поля (Бога) дается не тем, кто, предавая себя, бурлит в хаосе социально-ситуативных вызовов, а тем, кто «отрабатывает» свой психофрактал, свое высшее предназначение. Прочитать, ощутить его невозможно в океане виртуальных миров, оно является в реальном мире духовных ценностей.

Таким образом, согласно антропному принципу, социетальный психофрактал работает так же, как и индивидуальный. Так, каждый социум, как и человек, имеет собственную «сверхчеловеческую», «надсоциальную» метапрограмму, определяющую не только основные системные характеристики целого, но и путь поиска этим целым самого себя, т. е., по сути, энергетического источника самореализации. Каждому социуму присуща нелинейная, сложная динамика развития и на этом непрестом пути — моменты переосмысления и смыслотворчества нового.

Исследователи ментальности строят свои теоретические интерпретации, используя в основном понятие «национальная культура». Но любой, кто знаком, например, с русской литературой, театром, украинской живописью, народной музыкой и песнями и т. п. подтвердит, что многое из этого уже несколько столетий может считаться общеевропейским продуктом, способным вместе с другими европейскими шедеврами обогатить мир. А вот продукты политического бытия украинского и русского народа весьма далеки от европейских. Почему-то послевоенная Европа смогла провести последовательную и успешную политическую модернизацию всех общественных структур, от армии и полиции до профсоюзов и других структур, которые и до сих пор участвуют в общественном договоре на принципах классического либерализма. Позднее это сделали Испания и Португалия. Но в Советском Союзе ничего подобного не случилось по каким-то серьезным причинам. Речь не идет о последних 10 перестроечных годах, а о послевоенном времени — скоро будет 60 лет с того времени, когда стало ясно, к чему приводит власть одной идеологической матрицы структурирования общества — в данном случае имперско-государственной. Тем не менее и до сих пор в России и «дооранжевой» Украине продолжали функционировать именно такие, вертикальные пирамидальные матрицы, не желающие поделиться правом принятия решений горизонтальному полевому структурированию гражданского общества, а потому на нижних ступенях пирамиды, то есть в народе, до сих пор процветают паттернализм, пассивность и «пофигизм». Может быть, именно негибкие общественные структуры и являются условием существования прекрасной (по своей психологической сути — компенсаторной) культуры наших стран? А может быть, это более естественно для России, нежели для Украины (или наоборот)? А может, слишком медленное и слишком хрупкое структурирование качественно новых структур выступает самоорганизационным аргументом системы в пользу паттерналистского (наподобие шведского) социализма или полиидеологического бытия?

На эти вопросы нельзя дать ответ без учета глубинных психосоциальных факторов общественной жизни.

Интересно, что тип индивидуальной психики может передаваться следующим поколениям, а может и не унаследоваться ребенком от родителей. Коллективная же психика, хоть и является потенциальным носителем циклических видоизменений в обществе на разных этапах социального развития (стабильном, кризисном, переходном и др.), все же не меняет собственную историческую акцентуацию, воссоздающую его уникальность и передающуюся из поколения в поколение. Сердцевиной социума, его глубинной несознаваемой субъектностью является полевая социетальная матрица, которая из поколения в поколение порождает на данной территории определенные фрактальные структуры независимо от того, хотят или не хотят этого те или иные представители данного социума. Для создания и существования определенного уровня общественной солидарности, эмпирического МЫ необходимо объективные надличностные факторы вывести из подполья на уровень если не общественного, то хотя бы элитарного сознания. Эти факторы можно считать объективной структурой шансов, внутри которой действуют отдельные индивиды или группы индивидов, стараясь использовать данные шансы тем либо иным образом в свою пользу.

Главная проблема современных обществ — принять себя такими, какими они являются в своих корнях, в своей «точке сборки», принять даже те ценности, которые сегодня «не модны». Моду на первичную психосоциальную метапрограмму социума нельзя устанавливать принципиально. Тем не менее это постоянно делает социум, который претендует на первое цивилизационное место.

Выдающийся современный французский психолог Серж Московичи разделяет все общества на органические и моделируемые. Первые — это традиционные, непрерывные (не революционные), завершенные, самодостаточные сообщества, которые в дополнение к в своей центроверсии имеют сакральные отношения с природой, мировым умом, космосом. Они отрабатывают свой психофрактал и имеют циклическое, мифологическое мировосприятие, в котором тип отношений с миром выстраивается по законам Космоса, Мировой Души,

а психосоциальная идентификация — благодаря безусловному принятию стабильных и нерушимых системных ценностей. В органических социумах властвуют высшие ценности синергии и центростремительная мотивация. Здесь реальным субъектом социального или культурного творчества является народ. Здесь срабатывает глубинная защита прошлого, историческая память, определяющая будущее. Здесь даже изменение цвета ленточек в национальном костюме обсуждается серьезно и с учетом возможных психосоциальных последствий. Человека органического общества будущее не страшит так, как человека моделируемого социума, так как жизненная перспектива в принципе никогда не исчезает, она в коллективном бессознательном является естественным продолжением вечного цикла. Свободой здесь является не успех в денежном или статусном эквиваленте, а достижение самосогласованности и коллективной согласованности и гармонии.

«Руководные» общества, моделируемые по желанию того или иного автора (идеолога, лидера, реформатора), находятся с природой, традицией и космосом в менее сакральных отношениях. Они являются революционными, незавершенными, утратившими разницу между священным и мирским, постоянно ищущими и не находящими себя. В этих обществах властвует другая атмосфера, другая центроверсия, живет другой человек, стремящийся к успеху, связанному с деньгами. Эти общества — уже не сообщества. Здесь работают иные отношения. Здесь общаются уже не истинные существа, а деловые партнеры, социальные роли и статусы. В этих обществах разрушают прошлое, историю, памятники и приходят в ужас от будущего. Для того, чтобы в который раз найти и утвердить идентичность определенного жизнеустройства или идеологии (т. е., по сути, невротическую идентичность) они, оторвавшись от традиций, вновь и вновь формируют «ритуальные» привычки в политике, образовании, экономике, культуре.

Первые берегут начало (эквивалинтную структуру, психофрактал), вторые несут печать своего конца. Они имеют разные мировоззрение, мировосприятие, психологическую культуру и образ жизни. Сегодня мы видим, что эти разные общества не могут понять друг друга, а настроены на взаимоуничтожение. Общества, стремящиеся подмять под себя сначала личность, а потом и другие сообщества, не в состоянии постигнуть собственную глубину, они постоянно находятся в инфляционно- маниакальном состоянии духа, который маскируется под вид «роста».

Для огромной части населения земного шара («органической»), благодаря вере, живучести и действенности религии и мифологического сознания, этой неясности фактически не существует. Для другой части («модернизированной») эта неясность заброшена «в тень» и оттуда изрыгает депрессию, агрессию и экспансию. Развитие «Эго» модернизированных обществ — это выбор между хорошим и плохим, правильным или неправильным. Все плохое неизменно оказывается в «тени», а юнговскому архетипу «Тень», как известно, присуща большая разрушительная сила. Чем более правым кто-то оказывается, тем более «тьма» (т. е. та часть реальности, которая не соответствует «правильному», «цивилизованному», «новому», «современному» и поэтому не принимается как собственная реальность) насыщается противоположными мотивами, провоцируя непрекращающийся внутренний конфликт. Теневые стороны как индивида, так и общества должны быть выведены на уровень осмысленности и принятия как данность, с которой нужно работать. Иначе...

Именно эта, «совершенная», «безтеневая» часть мира и оказалась перед трудной задачей изготовления «новой модели героя, новых форм видения своего прошлого и будущего, а также приведения в порядок слишком расширенного поля сознания. Именно она не может определить, откуда пришла и куда идет, а потому ощущает себя потерянной и легко соглашается с тем, чтобы главным критерием ценности человека была его актуальная полезность для общества, что, например, означает конец вместе с приходом социальной невостребованности и т. д. Старость украинца, например, превращается в непосильное психологическое бремя. А если сравнить такое отношение к «общественной полезности» с традиционным отношением к старикам в изолированных туземных группах (в которых развито иное отношение к телу, возрасту и полу, почтенное и даже любовное отношение к мужчинам и

женщинам любого возраста, роста и размеров), то станет ясно, где живо более сакральное мироощущение и любовь к природе во всем ее многообразии.

Типы обществ сегодня настолько многообразны, что современный мир требует существенного пересмотра надличностных и даже трансперсональных, высших основ функционирования групп и обществ, те или иные отношения между которыми являются сегодня едва ли не главной проблемой Земли. Напомню психофрактальный закон отношений: эндоотношения являются основой экзоотношений и экзоповедения, которые транслируются на другие народы. А потому проблема формирования политических пространств толерантности зависит в первую очередь от того, насколько каждый народ, каждый социум отработает свой режим «Я», выполнит свою метазадачу. Только после этого возможно входить в процесс формирования общего полигосударственного пространства толерантности.

На 6-м конгрессе Международной ассоциации кросскультурной психологии (12-16 июня 2003 г., Будапешт) доклад Дж. Бродбента (США) «Просмотр национального характера: сравнительный подход к японской личности, паттернам отношений и макросоциальной формации» был посвящен результатам исследования трех стран: США, Японии и Германии как наиболее ярких представителей разных типов национальных культур: индивидуализма (США), вертикального коллективизма (подчинение индивида групповой иерархии) (Япония) и формализма (Германия). Исследование политических сообществ на макроуровне продемонстрировало четкую разницу между странами по критерию *институционализированных паттернов отношений*. Япония демонстрирует плотную сеть взаимопомощи политически активных организаций самого разного направления. США имеет приблизительно такую же плотность взаимоотношений только в отдельных трудовых коллективах. Германия — в правительствах земель. Эти три паттерна отношений отражают три доминирующих политических формации: госрегулируемый корпоративизм Японии, плюрализм США и кооперативный федерализм Германии. Наличие именно таких паттернов отношений подтвердили межнациональные психосоциальные опросы. В «молекулярной модели» Бродбента все «атомы» (государственные, политические, общественные организации) плотно связаны между собой лишь в Японии. В США и Германии этих связей значительно меньше. Тем не менее, как утверждает автор доклада, в последнее время значительные изменения происходят и в японской модели: слабеют связи между организациями, изменяется личность.

В коротком обзоре доклада не содержится анализа факторов ослабления традиционных связей в Японии, отсутствует прогноз относительно последствий подобных изменений для Японии и т. д. Тем не менее думается, что не последнюю роль в этом играет целенаправленный засев чужой психофрактальной первоосновы, внедрение чужого гена психосоциальности в японскую землю. Делает это та культура, которая транслирует в мир технологический плюрализм, замешанный на отсутствии собственной культуры. Имеется в виду США. Отсутствие мистического, таинственного аспекта бытия, отсутствие загадочной миссии, которую бы пронес американский народ через многие века смены политических форм (как это, например, происходит с русским народом), определяет его бездумную агрессивность и экспансивность по отношению к другим культурам. Многие социумы, в том числе Япония, просто не желают защищать себя от засилья чужих паттернов поведения, так как не желают терять сильного партнера в увлекательной технологически конкурентной игре и не подозревают, чем может окончиться эта психологически неравная гонка. А многие не могут защитить себя в силу бедности либо слабости... Как справедливо заметил французский ученый Пуанкаре: «Америка пришла к цивилизации, обойдя культуру». А это, согласитесь, порождает определенную бездуховность, которая компенсируется бесконечной погоней за властью. Возложив на себя миссию тревоги за судьбы других народов, американцы обнажили психологические проблемы себя как нации, как культуры. Духовная пустота не может насытиться бездумным техническим прогрессом или экстенсивным развитием гуманитарной науки. Она все время требует наполнения, и она нашла его источник в разрушении чужой духовности. Народ — это не просто совокупность индивидов и групп. Это намысленное веками поле, рождающее особого человека — психофрактал этого поля. Разрушить это поле

— все равно, что превратить миллионы человеческих жизней в ничто, в размытую и бесформенную массу... Не существует человека без собственных границ, истории, культуры...

Абсолютно неизучен вопрос о механизмах психологической защиты определенной культуры от разрушительных вызовов чужой матрицы смыслов и ценностей.

Исследователи групповой психологии Г. Теджфел, Дж. Тернер утверждают, что для достижения качества *совокупного субъекта* все его члены должны разделять психосоциальную категоризацию себя (например, мы все — украинцы, или мы все — болельщики команды «Динамо») и действовать на ее основе. Это — первый и главный шаг к включению *высшего режима группового взаимодействия*, поскольку сегодня, как и много тысячелетий тому назад, успешное функционирование любой группы невозможно без подключения трансперсонального фактора нематериальной природы.

Среди современных менеджеров становится популярной такая ресурсная задача управления, как создание для опекаемой ими группы *миссии и стратегии*. Миссия — это религия любой группы, а стратегия — это способ ее функционирования. Работники любой фирмы лишь тогда по-настоящему отданы своему делу, когда они гордятся своей работой и тем местом, которое занимает их компания в обществе. Многим людям мало того, что они работают лишь ради денег.

Думается, этот принцип так же срабатывает и по отношению к социуму, государству, обществу. Народ хочет ощущать себя уважаемой частью человеческого мира, у него есть потребность быть героем в глазах человечества. И теперь, и во времена БАМа или стахановского движения это вдохновляет людей, поднимает дух, актуализирует энергетический потенциал субъектности и ответственности.

Статья поступила в редакцию 28.05.2007 г.